

Д. Манько,

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права
Международного гуманитарного университета

ЛЕГАЛИЗАЦИЯ КАК ФЕНОМЕН ПРАВОВОЙ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Стремительное развитие общественных отношений в современном мире, трансформация существующих процедур их упорядочивания и гармонизации, процессы глобализации и интеграции обуславливают переход на новый уровень организации мирового правопорядка. Такой переход связан, в том числе, и с переосмыслением роли права, сфер его воздействия и направлений использования. Человекоцентризм правовой реальности, правовой закон, традиции частного (национальная ментальность) и новации общего (глобализация и интеграция), отцентрированная к справедливости аксиосфера права, его социальная природа стали аксиоматическими характеристиками уходящей эпохи.

В этой связи А. Ф. Крыжановский указывает, что «каждый отдельный человек творит свою собственную правовую жизнь — вступает в правовые отношения, удовлетворяет свои правовые интересы, совершает правовые поступки, однако одновременно он вместе с иными творит и общесоциальную картину правовой жизни, эту невидимую силу, которая ощутимо воздействует на дальнейшее правовое поведение всех субъектов права — правовой порядок в обществе» [1, 172].

Новый этап существования права ознаменован, в большей мере, «потребительскими» и «коммуникативными» возможностями использования потенциала этого сложнейшего социального регулятора. Становится очевидным, что право не является панацеей для решения всех возникающих проблем, инструментом построения «общества всеобщего благоденствия», более того, в ряде случаев, оно даже может использоваться нелегитимной властью для ограничения

свобод граждан (неправовой закон). Или, что того хуже, право становится «управляемым» властвующим или плутократическим элементами. Если в первом варианте общество может использовать свое естественное право на кардинальную реформу, вплоть до свержения действующей власти, что в значительной мере способствует сплочению социума и обретения веры в право, то во втором последствия могут быть катастрофическими — потеря веры в право и высокий уровень правового нигилизма.

Недопущение подобных процессов связано не столько с повышением эффективности действия государственной власти (это обязательное и само собой разумеющееся условие), сколько с развитием институтов гражданского общества, оживлением народного духа, стремлением организовать жизнь в государстве в угоду своих интересов, а не в интересах обеспеченной легальным принуждением управленческой системы или капитала.

По мнению Ю. Н. Оборотова, «вопрос не в том, чтобы констатировать противосубъектное использование юридического механизма нынешней власти. Тут имеет значение выявление тех плавсредств, которые позволяют удерживаться субъектам права в стихии правовых волнений и формируют действенный инструментарий недопущения ситуаций использования юридических средств в неправовых целях» [2, 4].

На фоне указанного отдаления социума и государства особую значимость приобретают такие качества права, которые позволяют использовать его как «удобную систему» воплощения в жизнь и защиты субъектами своих цен-

ностей материального и нематериального характера. Одной из таких правовых процедур выступает легализация.

В этой связи совершенно справедливо высказывание А. Н. Конева, что «одним из эффективных средств предотвращения разрывов в контактах общества и государства, недопущения рефлексивного «выхода» граждан за пределы правового поля, объективного признания социальной полезности и, напротив, обоснованного ограничения опасной (вредоносной) деятельности является юридическая легализация. Данный феномен обладает уникальным набором эффективных средств правового регулирования, вбирающего в себя как правомочия отдельных субъектов по ее инициации (лицензирование, льготы), так и волевые, властные механизмы принуждения по ее осуществлению (аккредитация, налогообложение). Многообразием отличается и арсенал форм внешнего проявления, начиная от документных вербальных, визуальных и документных видов и заканчивая комплексными, длящимися процедурами (ратификация многосторонних договоров и соглашений, признание государств и их союзов)» [3, 3–4].

Проблема общетеоретического исследования легализации относится к числу наиболее актуальных задач юриспруденции. Следует отметить, что «современные теоретико-правовые, историко-правовые, компаративистские и философско-правовые исследования национальной правовой системы, её трансформации и включения в региональный и международный правопорядок имеют необходимость в усовершенствовании категориального аппарата, разработки терминологии, которая позволила бы отображать и объяснять процессы, которые происходят в правовой реальности» [4, 5].

В этом контексте можно согласиться с мнением Т. В. Журенок о том, что «существует необходимость в теоретико-методологических исследованиях категории «легализация», прежде всего в отношении отграничения легализации от иных процедур посредством изучения её уникальных признаков» [5, 84].

Следует отметить, что в современной юриспруденции сложились широкий и узкий подходы к пониманию легализации. Представители широкого подхода рассматривают легализацию как явление, свойственное праву в целом, согласно положениям узкого подхода, легализация связана с определенной отраслью права (к примеру, уголовное право — легализация (отмывание)) [6, 11].

Проведенное А. Н. Коневым диссертационное исследование на тему «Юридическая легализация (теория, практика, технология)» затрагивает ряд широко обсуждаемых вопросов в современной юриспруденции и является основательным научным произведением, направленным на раскрытие сущности теоретических, практических и технических аспектов юридической легализации. К несомненным достоинствам работы следует отнести сформулированные А. Н. Коневым принципы позитивности юридической легализации, а именно: легальности, легитимности, формальности [3, 20].

Особо следует отметить проведенный диссертантом логико-семантический анализ соотношения юридической легализации с такими правовыми процедурами и технико-юридическими средствами, как признание, доказывание, валидация, верификация, утверждение, подкрепление, поддержка, свидетельство, обоснование, уверение, гарантия, подтверждение, заявление, принятие, действие, компетенция, ратификация, аттестация, приводит к выводу об их онтологической однородности, наличии общих признаков легальности и легитимности в различных комбинациях. Что указывает не только на сущностные характеристики легализации, но и на широкую распространенность отношений в этой сфере.

Интересно интерпретировано положение о легализации как о способе «индивидуализации законоустановления, позволяющего субъектам включаться в правоотношения» [3, 16].

Не менее удачно проведено рассмотрение юридической легализации

в качестве источника декриминализации отдельных отношений, к примеру, самовольно возведенного строения или денежной амнистии.

Во втором разделе диссертации «Приоритетные направления реализации юридической легализации и основные пути повышения ее эффективности» автору удалось провести достаточно полное и всестороннее исследование направлений юридической легализации; выработать развернутые классификации видов отдельных направлений; рассмотреть и проанализировать морально-правовые проблемы юридической легализации эвтаназии и проституции как наиболее резонансных и нетипичных отношений, могущих подлежать узаконению.

Указанная диссертационная работа содержит множество иных положительных аспектов и научных обоснований как сущности легализации, так и процедур совершенствования её осуществления на практике.

Однако, как в любой самостоятельной научной работе, в диссертации содержится ряд спорных и дискуссионных моментов.

Автором предложено использование термина «юридическая легализация» как наиболее общего, «расширяющего категориально-понятийное наполнение».

Представляется, что прилагательное «юридическая» в данной связке выполняет обратную, в смысловом плане, функцию. Во-первых, понятия, используемые в юриспруденции, зачастую имеют свои содержательные антиподы (правомерное поведение — неправомерное поведение и т.д.), соответственно возникает вопрос о существовании неюридической легализации, и ответ на него однозначен — нет. Легализация всегда осуществляется уполномоченным субъектом и только в сфере права. Во-вторых, при этимологическом сравнении прилагательного юридическая и отглагольного существительного легализация можно утверждать, что словосочетание «юридическая легализация» в некотором смысле является тавтологией.

Следует обратить внимание, в том числе и на определенное противоречие

в сделанных автором уточнениях относительно употребления термина «юридическая». Так, в [3, 14] указывается, что «использование термина «юридический» позволяет выделять данную разновидность социально значимой и полезной деятельности из числа иных контекстов (политического, религиозного, морального)...». Хотя уже в [3, 15] А. Н. Конев предлагает снова наполнить легализацию посредством использования прилагательного «юридическая» «многообразными характеристиками — экономической, политической, психологической, социологической, нравственной». Возможно, более верным в данной ситуации было бы обращение к правовой природе понятия «легализация», которая по объему указывает на её общеправовой характер, а по характеру на процедуру возведения на соответствующее внешнему формальному закону (всё применимое к закреплению легализации многообразии форм права) положение.

В этой связи представляется спорным предложенное диссертантом определение юридической легализации как «акта волеизъявления уполномоченного субъекта в правотворческой, правоприменительной либо интерпретационной форме, закрепляющего результат проведенной процедуры признания правомерности отдельных действий либо алгоритмов юридически значимого поведения участников правоотношений» [3, 10].

Во-первых, использование словосочетания «акт волеизъявления» представляется некорректным. К актам волеизъявления субъекта права можно отнести любой как правореализационный (к примеру, подача искового заявления), так и правоприменительный акт. Однако не каждый акт волеизъявления относится к актам, закрепляющим легальность объекта.

Во-вторых, упускается процедурный характер легализации, посредством сужения до «акта волеизъявления» уполномоченного субъекта, закрепляющего результат проведенной процедуры. Сущность легализации раскрывается не